

Иван Сергеевич Шмелев

Мой Марс

I

Взгляните на ананас! Какой шишковатый и толстокожий! А под бугроватой корой его прячется душистая золотистая мякоть. А гранат! Его кожа крепка, как подошва, как старая усохшая резина. А внутри притаились крупные розовые слезы, эти мягкие хрусталик – его сочные зерна.

Вот на окне скромно прижался в уголок неуклюжий кактус, колючий, толстокожий. Стоит ненужный и угрюмый, как еж.

И сколько лет стоит так, ненужный. И вдруг ночью, на восходе солнца, вспыхивает в нем огненная звезда, огромная, нежная, как исполинский цветок золотой розы.

Улыбнулся угрюмый еж и улыбнулся-то на какой-нибудь час.

И долго помнится эта поражающая улыбка. Эти суровые покрывки, угрюмые лица, нахмуренные брови!

Вот угрюмый господин сидит на бульваре, читает газету и через пенсне строго поглядывает на вас.

По виду-то уж очень суров. А я могу вас уверить, что это величайший добряк, и на бульвар-то заходит, чтобы поглядеть на детишек, послушать их нежные голоски.

А вот деловой человек. Он только что сидел в своей лавке и, забыв все, выстукивал на счетах и выводил в толстой книге цифры и цифры. И, кажется, нет для него ничего, кроме его цифр и барышей.

Кажется... А попробуйте заглянуть в него хорошенько. Да незачем и заглядывать. Придет такой случай, что он и сам раскроется, как угрюмый кактус, и выглянет из него то, что, казалось, совсем задавили в нем его толстые книги и цифры.

Да, наружность обманчива. Да вот вам пример: мой Марс, мой близкий друг, простой двухгодовалый сеттер. Он тоже... как бы это сказать... ну, обманчив, что ли...

Да, простой, как можно подумать с первого взгляда. Весь рыжий, ласковые глаза. Очень смиренный, когда спит на коврике, под вешалкой. Даже иногда улыбается во сне.

Очень мило виляет роскошным хвостом. А вы попробуйте у него выдернуть косточку из пасти! Вы попробуйте. Я раз попробовал, больше не пробую. И, вообще, шельма порядочная. А как он делает стойку на... мух! Я не охочусь, и он поневоле упражняется над этой дичью, чтобы не зарыть в землю таланта. Стоит полюбоваться! Весь он – ласка и нежность. Не думает ни о костях, ни о почтальоне, которого считает врагом дома. Млеет и тает с поднятой лапкой, и в карих глазках его не то грусть, не то мольба. И мухи с восторгом взирают на него и польщены, польщены...

Ляск! – и мухи как не бывало. А вот еще картинка.

Бывало, мой старый кот Мурза, друг и приятель Марса, проснется от кошмарного сна (на печке до 40°), свалится мешком на пол, бредет, как очумелый, не разбирая куда, и сослепу

направляется прямо на Марса. Тот уже из-за лапы прекрасно видит ошибку и рад, и не пошевелится. И только старик ткнется ему мордой в живот, так гавкнет, что старый Мурза с шипом и свистом стрелой взлетает на шкаф, сбрасывая по дороге бремя лет.

Вот каков этот Марс. Но красив, очень красив. Так красив, что однажды какая-то старушка купила для него на бульварчике вафлю и только загубила пятак. Из ее рук Марс не принял, а какая-то кривая собака выхватила с налету вафлю и умчалась. Это было так неожиданно, что даже Марс растерялся и долго, как зачарованный, глядел на дорогу.

Итак, он строен и игрив, умен, как всякий ирландский сеттер, кокетливо носит пышный хвост и очень любит, когда подают обедать. Не совершал подвигов, но имеет золотую медаль. Хотя и английского происхождения, но не горд и внимательно следит за кусками, поводя носом и выпрашивая глазами. Иногда в нетерпении тербит лапой скатерть и колени и тихим повизгиванием напоминает об обязанностях к ближним. Ближними своими он считает себя, затем... опять себя и еще раз себя. Выразительным взглядом держит Мурзу на приличной дистанции от своей чашки и считает приятным долгом разделить с ним его скудную трапезу, не обращая внимания на бессильное фырканье. Но, думается, он делает это из вежливости: просто он всегда готов услужить и составить компанию.

Нравственность его безупречна, хотя несколько и оригинальна.

Рассуждая, что пол существует, чтобы на нем лежать, стол, чтобы на нем обедать, а буфет – чтобы прятать съедобное, – он не выносит беспорядка и прибирает все, что попадает на пол или остается на столе. Любит меня до страсти и всех незнакомых считает моими врагами и старается их изловить. Делается это очень ловко.

Он охотно пускает их в комнаты, ходит за ними по пятам и не позволяет взять со стола даже газеты, если меня нет в квартире. А уж выйти не позволит ни в каком случае, становясь к двери с красноречивым рычанием.

Есть в нем замечательно похвальная черта, чем он резко отличается от многих, себе подобных, и даже от некоторых, себе не подобных: он очень великодушен. Он поразительно любит детей и однажды порядком перепугал на бульваре расторопную няньку, покушавшуюся дать шлепка бойкому малышу. Очень добродушно относится он и к маленьким собачкам, хотя бы это была простая дворовая мелюзга, и не выносит старого мопса-соседа, аккуратно выбегающего погрызться на улице со старой, умирающей дворнягой.

В общем, как видите, это очень интересный малый и порядочный надоеда, прекрасно известный всем лавочникам на моей улице. Последнее время его даже перестали пускать в магазины, к величайшему удовольствию мальчишек, которые предупредительно растворяют перед ним двери лавочек и выжидают, что будет. Должно быть, он все же имеет много хорошего в себе: судьба положительно ему благоприятствует. Ему, как говорится, везет. Недавно он провалился в колодец и... спасся чудом. Гнилая доска, рухнувшая с ним в глубину, по дороге застряла, и Марс удержался на ней на глубине всего двух аршин, а было в колодце до сорока! Он выл, точно из него тянули жилы. Конечно, его вытащили. Как-то раз ухитрился он сорвать лапами ненавистный ошейник (он не терпит ярма) и, выбежав за ворота, наскочил на собачьих охотников, без всякого разговора доставивших медалиста на живодерню, как последнюю бродягу.

Я почти не спал, разыскивая его по городу, и, наконец, нашел его за заставой, в отделении «обреченных». Он лежал в клетке за №, вытянув морду в лапах, и как будто спал. В углах закрытых глаз было влажно. Должно быть, он плакал во сне.

- Марс!

Что было! Он ринулся ко мне, забыв о клетке, ударился носом о прутья решетки и застонал от радости.

- Что, бестия! – будешь теперь рвать ошейник?! И Марс ответил таким чудесным лаем, что даже смотритель «зверинца» сказал несколько комплиментов и с грустью закончил:

- Славная собачка... А вот еще бы денек... и на перчатки!

Он даже прищелкнул языком и сделал жест, точно откупоривал бутылку.

Должно быть, Марс понял этот жест доброго человека в кожаном фартуке. Он гавкнул насмешливо, словно хотел сказать:

- Ага!

Должно быть, так. Это было заметно по его плутоватым глазам.

Вообще, умная шельма, и в его бугроватой башке ума, пожалуй, побольше, чем у этого господина в кожаном фартуке, выстроившего «на собачках» домик за заставой.

Пришли домой.

- Что, мошенник, – говорю я. – Опоздай я на денек, и висеть бы тебе со своим глупым хвостом! Признательный взгляд, и – виль-виль.

- Что глядишь-то глупыми глазищами? Вот вытяну плеткой.

Поворот на спину и полная покорность. И вот однажды этот самый Марс дал мне возможность сделать одно интересное открытие. Да, именно он. Он показал мне... Но это, собственно, и является предметом моего рассказа.

II

Жил я в Виндаве, на берегу Балтийского моря. Жили мы втроем: я, заправлявший моим хозяйством, прекрасный человек Иван, Сидорович и Марс. Марса вы немного знаете; я вам мало интересен, так как главным героем рассказа будет Марс; что же касается Ивана Сидоровича, – вы его поймете с двух слов. Он прекрасно готовит борщ, любит заглядывать в пивную кружку и ведет войну с Марсом, гоняя его из кухни шваброй. Но это не важно.

Как-то понадобилось мне поехать денька на два в город Або, небольшой городок на побережье Финляндии, где море усеяно массой гранитных островков, или шхер, поросших мелкой сосной и изгрызенных бурями.

Очень красивые места.

Ехал я налегке с ручным багажом. Марс, как и всегда, когда я собирался куда-нибудь ехать, ревниво следил за спешной сборкой маленького чемодана, и в его бугроватой голове, видимо, стояла тревожная мысль: а он как? Память у него всегда была отменная, и, надо думать, вывод, к которому он приходил в этот момент из сопоставления всех обстоятельств, был не в его пользу.

Так, думается, рассуждал он: «Мой приятель, – т. е. я, – на меня не смотрит, значит, я ему не нужен. Иван Сидорович очень весел, не толкает шваброй и даже погладил, значит, – уйдет из дому и запрет двери и меня. Раз чемодан достали, – приятель гулять за город не пойдет. Значит...»

И Марс потерял всю свою игривость. Он было попробовал попрыгать около меня, не сводя глаз, но это ни к чему не повело. Я строго взглянул на него и молча указал на пол.

И тут-то он окончательно упал духом. Он лежал «рыбкой», вытянув хвост и положив морду в лапы, уставив немигающие глаза на мой чемодан, и ждал. Стоило бы только особым тоном сказать: – ну-с! – или даже сделать соответствующий жест шляпой и взглянуть на него, он с визгом ринулся бы к двери, взглядом приглашая меня не медлить. Но было не до Марса. И он лежал, чуть слышно повизгивая, точно хотел разжалобить, точно переживал томительные минуты надвигающейся разлуки. Что творилось в его собачьем сердце, – точно не знаю, но я уверен, что он тоскует искренно и уж во всяком случае не радуется, как почтеннейший Иван Сидорович, который только и ждет моего ухода, чтобы запереть квартиру, поручить ее Марсу и закататься в любимую пивную.

Я взял шляпу, трость и чемодан. Марс нерешительно поднялся, все еще не теряя надежды, и колебался – идти ли?

– Дома, дома!..

Холодный тон и палец, указывающий на пол. Этого было достаточно. Марс вдумчиво посмотрел на меня, и по глазам его было видно, как он несчастен.

– Счастливого пути, – рассыпался Иван Сидорович. – Маленько поскучаем без вас.

И с веселым грохотом наложил на дверь крюк. Я даже слышал, как он принялся насвистывать что-то веселенькое.

Еще я услышал призывный лай. Обернулся и увидел Марса.

Он стоял передними лапами на подоконнике, между цветочными горшками, и его умная, плаксивая теперь морда упиралась в стекло. Теперь бедняга будет тоскливо подремывать под вешалкой.

Я шел не торопясь, отлично зная, что пароход, по обыкновению, пойдет с опозданием. Но еще не добравшись до конца последнего переулка, я услышал второй гудок.

Оставалось всего три минуты. Я пустился бегом, проклиная сегодняшнюю аккуратность капитана и мои старые похрамывающие часы. Переулок кончился. Я уже видел толпу провожавших, размахивавших шляпами и платками отъезжавшим. Только бы успеть!

Я ринулся вперед, сшибая встречных, как вдруг из-под самых ног с визгом и лаем вынырнул Марс. Он вертелся и лаял так, точно его проткнули раскаленным железом. Он крутился желтым клубком, мчался винтом, сверля воздух своим вертлявым хвостом, прыгал, кидался на прохожих и фонари, проделывая все свои ловкие шутки, бросался к моему лицу и яростно гавкал. Эта бестия была в самом прекрасном настроении.

Я был обескуражен. Я готов был хватить его палкой. Что было делать? Вернуться обратно и ждать до завтра? Но мне положительно было необходимо ехать сегодня же. Поручить Марса носильщику, давать адрес, рыться в кошельке, объяснить? Но я уже вижу руку помощника

капитана, протягивающуюся к свистку. Я уже слышу этот свисток. Я бомбой вбегаю на мостки следом за Марсом, и глаза всех устремлены на нас. А Марс чувствует себя, как дома. Он уже на пароходе и призывно лает, боится, как бы не остаться одному. Уже отнят трап, и пароход грозно ревет, смертельно пугая Марса, как-то сразу присевшего на все лапы, точно его собираются бить по башке.

- Послушайте... Это ваша собака?

Третий помощник капитана, румяный и свежий, как морской ветерок, в своем белоснежном кителе, с строгим видом указывает на Марса, примостившегося на куче корабельных канатов. Розовый язык свесился из-за черных щек и ходит, как быстрый поршень. А усталые глаза как-то растерянно глядят на нас обоих.

- Да, она со мной.

Что же было делать? Не отречься же от этого негодяя, сидевшего теперь с каким-то невероятно глупым видом.

- В таком случае придется вам взять ему собачий билет и поместить в клетку.

- Очень хорошо.

Третий помощник капитана подошел к Марсу и с видом знатока, умеющего обращаться с собаками, потрепал его по спине.

- Ну, идем! Фью!..

Марс даже не взглянул и только равнодушно лякнул на подвернувшуюся муху.

- Идем, брат, нечего...

Он потянул его за ошейник, и тотчас же конфузливо отдернул руку: Марс слегка и предостерегающе зарычал.

- Очевидно, он меня боится...

Я не сказал третьему помощнику капитана, что Марс, очевидно, принимает его за почтальона в его белоснежном кителе с блестящими пуговками.

- Эй, Василий! - крикнул храбрый третий помощник капитана. - Бери собаку. Там, кажется, есть свободная клетка.

Подошел коренастый рыжий матрос в синей блузе. Хотя он и имел вид колосса и морского волка и, может быть, выдержал не один страшный шторм, но к Марсу приступил с некоторым колебанием, ворча себе под нос что-то, по его мнению, успокоительное.

- Тц... тц... Ну, ну... Ты!..

Пораженный его рыжей бородой и огромным ростом, Марс, должно быть, вообразил что-нибудь опасное, оскалил зубы и зарычал.

- Боязно, шут его дери. Сурьезный... Ну, ну, как тебя... Собачка...

Но «собачка» не унималась.

Тогда я взял Марса за ворот и решительно потащил на носовую часть парохода.

- Ну, вот теперь и посиди, каналья ты этакий! Вот и посиди!

Его поместили в небольшой клетке, за решетку. Напомнила ли ему решетка недавнее прошлое, или Марс вообще не терпел лишения свободы, - не знаю, но он долго упирался, цепляясь когтями и выворачивая голову. Как-никак, но дело было сделано, и теперь он мог, сколько душе угодно, рычать и визжать.

Теперь он положительно связал меня. Но как он мог удрать из квартиры? Ну, конечно, почтеннейший Иван Сидорович улетучился из дому и забыл запереть окно в кухне. И Марс ушел по хорошо знакомой дороге, что неоднократно проделывал и раньше. Но я должен все же признаться, что мне было отчасти и приятно, что Марс сумел отыскать мой след на протяжении двух людных улиц и трех проулков.

Такое чутье и привязанность не могут не тронуть хозяйского сердца.

III

Я сидел на верхней палубе, под тентом. Море было покойно. Погода великолепная. Пароход шел хорошим ходом с легкой дрожью от мощной работы винта. Народу было порядочно. Две девчушки, в красненьких коротких платьях с пышными бантами и в белых туфельках, резвились на палубе, как пунцовые бабочки, шаловливо заглядывая в лица. Худощавая особа, в соломенной шляпке с васильками, прямая, как вязальная спица, сухим скучным тоном то и дело останавливала их по-немецки.

- Дети, не шалите, вы мешаете другим. Мальчуган, лет десяти, тонкий и вертлявый, как молодая обезьяна, с плутоватой рожицей, дразнил тросточкой что-то пристроившееся под ногами немки, и оттуда слышалось злобное - rrrrrr-ым-га-га... - что очень напоминало мне старого мопса-соседа, кровного врага Марса.

Почтенный человек торговой складки в засаленном картузе и поблескивавшем пиджаке исследовал свою записную книжку, водя жирным пальцем, и бормотал загадочно, оглядываясь по сторонам:

- По шесть рублей ежели... сто двадцать... Да накинуть ежели... по 4 копейки... да за бочки...

Для него, казалось, не существовало ни моря, пенящегося за кормой играющим кружевом, ни резвых грациозных дельфинов, стрелой обгонявших пароход, ни милых красных бабочек, теперь с боязливым любопытством засматривавших в его строгое, деловое лицо.

- Тридцать бочек, по 18 рублей с пуда... да ежели положить на провоз, да утекет обязательно... - ворчал деловой человек, подымая лицо и что-то разглядывая в натянутом над палубой тенте.

- Rrrrrr-ы-гам-гам... - с остервенением отзывалось из-под скамейки.

Сидевший неподалеку господин с газетой строго из-под очков поглядел на бойкого мальчишку и покачал головой.

Но тросточка продолжала свое дело.

- Дети, не шалите. Вы мешаете другим.

На палубе появилась барыня, погрозила мальчугану пальцем и села рядом со мной. Она читала при помощи лорнета маленькую, изящную книжку.

Я сидел и наблюдал. Все ушли в себя. У каждого свои интересы. Вот только две девчурки рады болтать со всеми, милые и простые. Какой-то старичок в бархатном картузе присел рядом со мной и принялся за газету.

Что-то рычавшее под скамейкой потеряло, наконец, терпение. С неистовым ревом вынырнул мопс и цапнул-таки мальчишку за ногу. Поднялся переполох. Барыня с лорнетом начала историю со спицей, мальчишка ревел и рвался к мопсу, мопс укрылся под лавку и ожидал, когда его начнут драть. Деловой человек оторвался от книжки и строго поглядел на всех.

- Постегать парня бы...

Старичок сообщил мне, что страдает головными болями, не терпит шума и потому все лето совершает морские прогулки, так как только на пароходе находит тишину. От поднявшегося переполоха, оказывается, у него снова начались «колющие боли». Только девчурки с боязливым любопытством глядели и слушали, отойдя от рычавшего мопса на приличное расстояние.

Наконец, все успокоилось, и вдруг тонкой острой ноткой донесся вой. Он шел с другого конца парохода, с носу.

Еще нотка, еще... Тоном выше... И я узнал голосок Марса.

Старичок передернулся и поглядел на меня, точно я был причиной воя.

- Вы слышите?

- Слышу. Чья-то собака воеет.

- Конечно, собака... Но ведь это же неприятно! Господин с газетой обвел всех глазами через очки, точно хотел сказать:

«Это что такое?» Вой усиливался и начинал переходить в какое-то завывающее рыданье.

- А, чтоб тебя! - вырвалось у делового человека. - Волк чистый.

Маленькая девочка сделала огромные глаза и наострила ушки.

- Фрейлейн, это волк? - спросила она плаксиво сухощавую немку. - Я боюсь... Вой рос и тянул за сердце.

- Уди-ви-тельные порядки! - строго сказал старичок. - Насажают полный пароход собак, и вот извольте тут...

Вой поднялся еще тоном выше и задрожал самой захватывающей за душу вибрацией. Из-под лавки отозвался мопс. Он показал свои черный курносый нос, выпучил глаза, словно собирался чихнуть, и всплакнул. А с носовой части лились уже целые воющие и перекатывающиеся аккорды. Очевидно, мой Марс нашел себе отклик у других заключенных. Мопс взял тоном выше и получил легкий щелчок по носу от фрейлейн.

- Замолчи, Тузик! У, глупенький.

- За хвост да в воду, - сказал деловой человек. - Вот собак навели...

- Я не понимаю, не понимаю. Какие идиоты всюду таскают собак за собой! - сердился старичок. - Еще бы коров захватывали! Ведь верно?

Он глядел на меня, ожидая хотя бы сочувственного отклика.

Надо сказать правду, - вой становился невыносимый. Купец сложил книжку и угрюмо глядел на море. Господин в очках крупными шагами ходил по палубе. На мостике появился коренастый капитан, и по его лицу было видно, что он слушает и недоволен. Около него появился помощник и что-то объяснял. Капитан энергично размахивал рукой и показывал на носовую часть парохода. Смотрю, - мой старичок поднимается и направляется к капитанскому мостику.

- Господин капитан! - умоляющим тоном восклицает он. - Прикажите принять какие-нибудь меры, прошу вас! Голова раскалывается... Ведь прямо невыносимо!

Он прав, он тысячу раз прав. Вой и рев дерут по нервам.

Кажется, что весь пароход, с трюма и до палубы, перегружен собаками, и они стараются вовсю, точно их жгут железом или тянут жилы. Смотрю, появляется на мостике, должно быть, специально вытребованный, третий помощник капитана и объясняет что-то, держа руку под козырек. И снова рука капитана энергично рассекает воздух. Старичок зажимает уши и трясет головой.

- Это ужасно! - жалуется барыня с лорнетом, - Послушайте, уймите хоть вашего-то! - обращается она ко мне.

- Я его сейчас палкой! - кричит мальчуган.

- Вилли, Вилли!

- Тузик, замолчи, мой маленький! Моя бедная собачка. Он плачет! Смотрите, он даже плачет!

- За хвост да в воду! - энергично отзывается деловой малый и сердито глядит на немку.

Третий помощник капитана показывает в мою сторону и что-то объясняет. Ну, конечно, говорит, чья собака. Я уже начинаю чувствовать себя виноватым. Но в чем же я в самом деле виноват? Что природа наградила собак крепкими глотками и не приучила их к клеткам? Я уже вижу обращенные на меня неприязненные взгляды.

Третий помощник капитана спускается с мостика и направляется ко мне. Он разводит руками и старается придать голосу мягкость.

- Видите... Послушайте... Ваша собачка переполошила всех собак. С нами едут еще четыре пса, и теперь воют все. И еще в каюте едет больная особа... Капитан просит...

Может быть, вам удастся унять...

Старичок смотрит на меня так выразительно, что я живо вспоминаю его фразу о некоторых, которые и т. д.

- Ах, пожалуйста, уймите! - говорит еще кто-то. - Это ваша собака.

На меня обращены взгляды. От меня ждут. Меня обвиняют.

Мопс поет в забвении и даже закрывает глаза, как соловей по весне. Весь пароход поет. Рыжий матрос посмеивается у борта и перемигивается с другим. Они, видимо, довольны переполохом.

Иду на нос. Здесь ад невероятный. Пассажиры третьего класса густой толпой обступили клетки с собаками и слушают. Протискиваемся с помощником капитана через толпу, и я - у клеток. В самой крайней красавец сенбернар упирается головой в низкий потолок и издает какое-то воющее рычание. Рядом с ним остроухий дымчатый дог с налитыми кровью глазами мечется по клетке, тыкаясь головой в стенки ее, и скулит отрывистым тьяканьем. И, наконец, - Марс. Он великолепен. Он лежит, вытянув морду и закатив глаза, и воет, и воет в самозабвении.

Этот вот, рыжий-то, всех и взгомозил, - говорит кто-то. - Он самый коновод и есть.

Я подхожу к клетке и делаюсь героем толпы. Все ждут от меня чего-то необыкновенного.

- Марс!

Он точно проснулся и встряхнулся. Вой оборвался сразу, и Марс заскулил жалобно-жалобно. И в соседних клетках прекратились рыдания.

- Что значит хозяин-то, - говорит кто-то. - Привязчивы эти самые собаки, страсть.

Марс бьет лапами по решетке. Но что же я могу сделать? Я отлично знаю, что стоит мне отойти, как снова начнется история; Говорю третьему помощнику, что ничего не выйдет, и делаю при всех опыт. Все сильно заинтересованы. Отхожу в сторону, так что Марс не видит меня. Проходит с минуту, начинается легкое повизгивание и переходит в вой. Дог и сенбернар подтягивают. Лица зрителей улыбаются.

- Его необходимо выпустить, - говорю помощнику. - Иного средства нет.

Помощник идет за разрешением и скоро возвращается.

Разрешено выпустить. Марс прыгает сразу на всех лапах и извивается с громким лаем. Мне даже стыдно за него. Идем во второй класс. Марс считает, очевидно, пароход за улицу и ведет себя самым легкомысленным образом, за что и получает тычок шваброй от матроса с рыжей бородой. И даже имеет нахальство огрызаться.

Мы явились на палубу под десятком устремленных на нас глаз. Но Марс чувствует себя великолепно. Он юлит и не знает, чем доказать мне свою признательность. Но я неумолим и во избежание разных неожиданностей затискаваю его под лавку. Публика успокоилась и занялась своим делом. Человек в засаленном картузе снова принялся копаться в записной книжке и теперь высчитывал операции с чухонским маслом. Господин в очках уткнулся в газету.

Старичок отдался красотам природы и отдыхающими взглядами блуждал по горизонту. Мальчуган с порванным чулком снова пырлял мопса тросточкой, стараясь отплатить.

Красные бабочки занялись игрой в мяч, уронили его в море и поплакали.

- Дети, вот вы шалили и лишились мяча, - изрекла немка.

Но они скоро утешились.

Марс лежал смиренно. Он одним глазом наблюдал за девчурками, выжидая удобного случая примкнуть к игре в прятки. И знакомство завязалось. Одна из девчушек, похрабрее, подошла к нему и вытаращила глаза.

- Собачка...

И поманила пальчиком.

Марс шевельнул хвостом и постучал.

Подошла вторая бабочка и сказала тихо:

- Красная собачка...

Марс постучал решительней и зевнул. Наконец, поднялся, подошел вплотную и ждал. Девчурки отступили, поглядывая то на меня, то на Марса. Но Марс раздумывал недолго. Он не забыл милой привычки играть с ребятами на бульваре, позволять трепать себя за уши и даже таскать за хвост, чего бы он, конечно, не позволил взрослым, особенно мальчишкам, как тот, что подкрадывался теперь с тросточкой сзади.

Он прыгнул, извиваясь кольцом, и с налету лизнул своим розовым языком румяную щечку красной бабочки в белых туфельках.

- Ай!

Обе стрекозы закатились ярким серебряным смехом.

- Фрейлейн! Фрейлейн! Он поцеловал Тину!

- Он меня облизал, фрейлейн! Облизал! Марс вертелся ужом, отлично понимая произведенный эффект. Но торжество скоро кончилось.

Фрейлейн поднялась с решительным видом и двинулась к нам в сопровождении жирного, прячущегося за юбку мопса.

- Нельзя позволять грязной собаке лизать лицо, Нина! Ты будешь наказана дома. Выучишь десять строк дальше.

Очевидно, остальное было понятно и Нине и фрейлейн.

Розовое личико омрачилось, и носик сморщился. Кое-что и я прочитал в красноречивом взгляде, которым подарила меня фрейлейн, стройная, как вязальная спица. Если бы только могла, она закатила бы мне строк с сотню «дальше». Хотя при чем я? Но, должно быть, она изучала юриспруденцию и почитывала устав о наказаниях, где вполне ясно сказано об ответственности хозяев за вредные действия домашних скотов. А Марс был скот в самом настоящем смысле.

Но Марс взгляда фрейлейн не понял. Когда стройная немка нагнулась вытереть щечку Нины от следов предательского поцелуя, он, должно быть, вообразил злой умысел и хотел явиться защитником. Он рывкнул на фрейлейн над самым ухом. Боже, что было! Положительно в этот

злосчастный день на меня валились все шишки. Немка стрелой отскочила в сторону, а таившийся за ее юбкой и гудевший что-то сквозь зубы мопс разразился трелью и запрыгал, как резиновый лающий мяч, предусмотрительно отскакивая назад. Марс издал предупреждающее рычание и ринулся.

Началась свалка. Теперь палуба представляла собой самую настоящую арену.

Я бросился с одной стороны и ухватил Марса. Мальчишка с продранным чулком, пользуясь случаем, пырлял тросточкой ненавистного мопса. Бабочки тарасили испуганные глазки.

И на мостике показалась коренастая фигура капитана. Что представляли из себя остальные, я уже не мог видеть. Я только слышал, как барыня с лорнетом кричала:

- Вилли, Вилли! Они, должно быть, сбесились! Вилли!

Этого было достаточно. Собралась толпа. Кто-то призывал матросов. Кто-то ревел и топал ножками. Но разбойник Вилли был в восторге. Этот назойливый мальчишка выполнял танец диких, размахивая тросточкой. Но ведь все имеет конец. Скоро мопс с пораненной ногой (кто его поранил, - Марс или мальчишка, - так и осталось неизвестным) сидел на коленях фрейлейн и стонал, и рычал, пожирая Марса выкатившимися глазами. Я запихнул-таки Марса под лавку и сидел, чувствуя себя отвратительно и заставляя себя любоваться морем. Смотрю, - подвигается капитан.

Кланяется.

- Очень приятно. Чем могу служить?

- Видите... гм... того... Ваша собака... того... гм... Я понимаю капитана и пожимаю плечами.

- Видите... того... Пассажиры беспокоятся... гм...

Вы ее... того...

Он даже шевелил пальцами, подыскивая слово. Вполне извинительно. Человек лет тридцать плавает по морю, в некотором роде беседует с бурями, слышит язык штормов, отдает приказания криком. Морской волк, в некотором роде, хотя вежлив до крайности.

- Вы ее... того... попридержите... А то я... простите... того... буду вынужден просить вас... того... оставить ее на берегу при первой остановке в Ганге. Кланяюсь и обещаю, и позволяю себе заметить капитану, что мой Марс вовсе не «того» и никакой опасности для пассажиров не представляет.

А Марс, можете себе представить, лежит себе, разбойник, и ухом не ведет и даже делает попыткулизать смазанные какой-то душистой мастикой лаковые штиблеты строгого капитана.

- Так вот-с... извините... того... Капитан раскланивается и уходит. Два черные глаза, выпученные, как у рака, гипнотизируют Марса с колен фрейлейн.

- И охота вам возить собак! - говорит несколько примирительно старичок, довольный наступившей тишиной.

Охота мне возить! И потом, почему же «собак»? Желал бы я знать, как поступил бы на моем

месте этот господин. Быть может, он бросил бы пса на пристани. Но я не мог сделать этого: я люблю этого бойкого шельмеца, преданного мне от хвоста и до носу. Нина и Лида чинно сидели рядом с фрейлейн и куксились, должно быть, оплакивая погибший мяч. Мальчишка с продраным чулком измышлял какую-то каверзу с мопсом. Он что-то уж очень близко прохаживался около Марса и наускивал легким посвистыванием:

- Фюить! Фюить!

Но, в общем, была тишина.

- Ну, Вилли! Но я прошу тебя, мой мальчик! Не ходи так близко около собаки!

IV

Пароход шел отличным ходом. На палубе было спокойно, но это была тишина перед бурей. Это было видно по глазам мопса и Марса. Они упорно вглядывались один в другого и точно дразнились вздрагивающими языками. И, очевидно, на Марса действовал взгляд пары черных выпученных глаз. Он рычал иногда. Задребезжал колокольчик. Это ходил по пароходу слуга кают-компании, созывая к обеду. Было уже около пяти, и морской воздух раздражил аппетит в достаточной степени, чтобы палуба быстро очистилась от пассажиров. Пошел и я. Фрейлейн с мопсом ушла еще раньше. Но вот... Марс подымается и двигается за мной.

Он также желает кушать. Запах жарящихся котлет щекочет раздражающе, а Марсу как раз пора покормиться.

Вести его за табльдот? Нет, ни в коем случае.

- Куш иси! - говорю ему и показываю пальцем под скамейку.

Он смотрит на меня с недоумением и укором. Я прекрасно понимаю все его взгляды. И вижу, что он не желает сдаваться. Беру за шиворот и тащу под скамейку.

- Куш иси, черт тебя дери! Куш.

Он укладывается с недовольным видом и подавленным вздохом. Должно быть, думает:

«Надо было догонять! Теперь Мурза как раз расхлебывает в моей чашке». Делаю шаг и оборачиваюсь. Голова Марса вытянута и взгляд прикован к моей фигуре. Ждет, не свистну ли. Пусть ждет. Особенно досадно, что мопса-то утащили туда, откуда потягивает котлетками.

Спускаюсь в общий зал. Ого! Как энергично стучат ножи по тарелкам! Вижу делового человека. Он набил пирожком полон рот, и его глазки жмурятся от удовольствия. От тарелок валит душистый пар. Позади фрейлейн мопс управляется с пирожком. Красные бабочки уже залили скатерть и, конечно, получили уже новые десять строк «дальше».

Уже съеден суп, и на блюдах приятно дымится какая-то рыба, на которую все смотрят с признательностью. Смотрю и я. Я сижу спиной к борту парохода, к открытым иллюминаторам. Против меня, несколько наискосок, лестница на палубу. Так вот, поднимаю глаза, чтобы посмотреть на рыбу и вижу... Марса! Он стоит на верхней ступеньке и вбирает в себя ароматы кают-компании. Стоит, как волк на бугре, поглядывающий на деревню, где повизгивают от холода собаки.

Он смотрит, выискивая меня глазами. Что было делать?

Крикнуть? Но не угодно ли крикнуть из-за стола, когда сидят за ним человек сорок? Увлеченные чудесным занятием с рыбой, они примут меня за сумасшедшего. Погрозить пальцем? Но это воздействие может еще быть принято за поощрение. И даже наверняка. В таких случаях Марс обыкновенно прикидывается непонимающим. Сказать слуге с блюдом? Но его положительно загоняли за пивом и нарзаном. Вылезть из-за стола? А вы попробуйте вылезть на пароходе из-за стола. Все сидят в ряд. Стулья привинчены. Я в самом центре, спиной к иллюминаторам.

Только два выхода и есть: под стол или просить всех выйти. Пока я так раздумывал, Марс медленно, точно чего-то опасаясь, опускался со ступеньки на ступеньку.

Его никто не замечает. Все увлечены рыбой. Решил предоставить все случаю, хотя и могу наскочить на неприятность.

Я знаю, что некоторые господа терпеть не могут присутствия собаки у стола. Без сомнения, здесь были такие. Да вот хотя бы старичок, страдающий колющими болями. Он уже успел наподдать ногой вертевшегося под столом мопса, к величайшему удовольствию мальчишки с продраным чулком, ухитрившегося в каких-то целях стащить под стол хребтовую кость леща с острыми боковыми косточками.

А вот, наконец, и котлеты с горошком и зеленой фасолью.

Весь зал наполнился чудесным ароматом, и что-то осторожно фыркнуло под столом. Очень осторожно и ткнуло меня в коленку. Смотрю, - подымается край скатерти и выставляется кончик черного носа. И опять осторожное и полное величайшего удовлетворения:

- ...Фррр... фррр...

Я щелкнул по носу, и скатерть опустилась. Хорошо, что никто ничего не видит. Какое там не видит! Мальчишка сидит неподалеку от меня и поглядывает что-то уж очень любопытно. Даже начинает как будто подмигивать мне, шельмец. Глазами переходит на интимность. Ну, конечно, заметил. Вижу, лезет под стол, делая вид, что уронил вилку, а я отлично видел, что он нарочно столкнул ее. На его плутоватой рожице написано захватывающее торжество.

- Вилли, ты не умеешь себя вести.

Одна из красных бабочек вдруг забеспокоилась и начала вертеться. Лида тоже. Заглядывают под стол. Начинается история. Будет буря, мы поспорим. И поборемся мы с ней!..

- Нина, нельзя вертеться за столом, - изрекла фрейлейн. - Горошек едят вилкой, а не с ножа.

Скорей бы кончался обед! Как будто необходимо еще сладкое...

...Prrrrrrrr...

...Prrrrrrrrrr...

Опустились вилки и поднялись головы над котлетками. Я ем за четверых, заговариваю со старичком о погоде.

- Чудесно на море и совсем не качает, не правда ли? Но старичок застыл с вилкой в руке.

- Он здесь... Он... Он...

Удивительное дело! Точно в комнату вползла кобра или ворвался тигр.

...Prrrrrrrr... гам-гам!..

...Prrrrrrrrrrrr... гым!.. гым!..

Они схватились. Они жестоко схватились!

- Тузик! Мой Тузик!

Да, Тузик! Прощайтесь, стройная фрейлейн, с вашим Тузиком. Я уверен, что теперь от бедного Тузика останутся одни перья.

- Уберите собак, - строго и решительно приказал господин с мрачным видом. - Здесь не псарня!

- Послушайте, как вас. Человек!

- Возьмите их! Это невыносимо! Они перекусывают ноги!

- Возмутительное безобразие! Двадцать лет езжу по морю... и никогда...

Старичок стал пунцовым, как мак.

Он мог еще двадцать лет ездить по морю, и я уверен, что не встретит ничего подобного. Мой Марс - единственная в своем роде шельма и больше по морю не поедет.

- Ну, и собачка! - язвительно протянул деловой человек, и в его тоне я прочитал давешнее:

- За хвост да в воду.

Обед сорвался на самом интересном месте. Повыскакали из-за стола. Я высвистывал Марса и ловил нежные взгляды публики. Где тут!

Оба грызлись начистоту, стучались головами о железные ножки круглых стульев. И Марс, уверяю вас, был джентльменом. Он раза два пытался ретироваться с честью, но проклятый мопс нападавал с остервенением, желая оставить за собой последний удар, и Марс, конечно, не мог принять позора. Их уже гнали, вылавливали и выпихивали швабрами вызванные двое матросов, - рыжий гигант и маленький черненький матросик.

Наконец, швабры сделали свое дело и рассортировали бойцов. Мопса утащила фрейлейн на перевязку. Марса поводок я за шиворот. По дороге наскочил на капитана, направляющегося вниз обедать.

- Вот видите... гм... опять история... того... Очень жаль... но я буду просить того... в Ганге его... того...

На нижней палубе, у трюма, матросы скалят зубы. Рыжий гигант рассказывает что-то смешное. Должно быть, описывает, как фрейлейн оттаскивала Тузика за хвостик.

Конечно, обед продолжался. Я не пошел доедать котлетку и пожертвовал сладкими пирожками и кофе. Марс просит пить, это я вижу по высунутому розовому языку и тяжким вздохам. На палубе, хотя и под тентом, жарко. Веду на нос и даю пить. Здесь слава наша упрочена.

- Насмерть черненькую-то загрыз. Вот на тонких ножках-то бегала... курносенькая-то... - говорит мужичок.

- В море, чай, выкинули?

- Выкинули... А только вот с полчаса тут пробегала, веселая такая.

Все давали дорогу и с подозрением поглядывали на Марса.

Матросы смотрели на него, как на чуму, строго следя за легкомысленными его ухватками, а он, не вынося присутствия швабры (воспоминание о почтеннейших приемах борьбы Ивана Сидоровича), огрызался, нисколько не раскаиваясь за происшедшее.

- Мальчонке-то, сказывали, ножку прогрыз... Слава сопровождала нас, пока мы проходили на корму. Бедный Марс! Его обвиняли во всех преступлениях.

Не радовало спокойное море и игра дельфинов. Очень приятно, когда на вас поглядывают с опаской или даже с неприязнью. Фрейлейн поминутно отзывает девчушек, а мамаша с лорнетом кличет испуганно Вилли. К этому надо добавить, что собаки, растревоженные Марсом, нет-нет и повоюют.

- От самой Либавы ехали - не выли, а ваш всех взгомозил, - жаловался старичок.

Рассказываю ему, как было дело, и по глазам вижу, что не верит. Девчушки снова бегают по палубе в компании с мальчуганом. Марс только поводит носом, выжидая удобного случая втереться. Мопс куда-то сплавлен. Многие пассажиры предаются послеобеденному сну в своих каютах.

Не последовать ли и мне их примеру?

Спускаюсь к каютам и волоку за шиворот упрямящегося Марса. Спуск вниз не входит в его расчеты. Играют в казаки-разбойники, и парнишка с продраным чулком уже захватил в плен одну из красных бабочек. Та принимает все за чистую монету и кричит, так как парнишка грозит выкинуть ее в море. Марс рвется, фрейлейн кричит, другая девчушка прыгает на одном месте и вопит.

- Иди же, черт тебя возьми! - поощряю я Марса. Спускаюсь на нижнюю палубу. Рыжий матрос покачивает головой.

Должно быть, думает, что и эта кутерьма вызвана нами.

- Задалась собачка...

Спускаемся в отделение кают, делаем шага три, и вдруг, - пожалуйста! Согнувшись в три погибели, сторонкой, взбирается наверх что-то серенькое с перевязанной ножкой. Мопс, очевидно, из каюты услышал крики девчушек и двинулся. Произошел обмен взглядов, но разминулись счастливо.

Открываю портьеру каюты. Наверху дремлет господин, что с угрюмым видом читал газету. Внизу похрапывает толстяк, свесив руку. Марс проскальзывает за мной и забивается под койку; но я вылавливаю его и задеваю за руку спящего господина.

- Послушайте, тут люди спят.

Волоку Марса и извиняюсь за беспокойство.

- Тут люди спят! - повторяет толстяк, делая ударение на «люди».

Господин с мрачным видом свешивает голову и смотрит предупреждающе.

- Вы же видите, что я его удаляю? - говорю я уже раздраженно.

До чего же мне все это надоело! Я оказался на положении собачьей няньки. Ни шагу свободного. Укладываю Марса у дверей в коридорчике. Объясняю знаками последствия неповиновения. Замахиваюсь с лицом разбойника, готового раздробить эту бугроватую и умнейшую-таки башку, говорю и по-французски, и по-русски. Марс понимает и мирно укладывается «рыбкой», как всегда, когда покоряется. Я иду отдохнуть.

V

Хорошо дремать в каюте, головой к открытому иллюминатору. Нежно переливаются отражения волн в толстом круглом стекле. Убаюкивает равномерный плеск в борт парохода, и потягивает в лицо свежим морским ветерком.

Я дремлю. Море поет мне тихую сказку. Кто-то сладко всхрапывает надо мной, должно быть, толстяк. Угрюмый господин тоже спит, и так сладко, что пара мух прогуливается у него под носом. И вдруг стало тихо-тихо.

Должно быть, я заснул. Мне снилось, как по палубе старичок и фрейлейн гонялись за мной со швабрами, а деловой человек грозил мне своей записной книжкой и голосом мальчишки с продраным чулком кричал пронзительно:

- За хвост да в воду!.. в воду!.. За борт!.. Я открыл глаза.

- В воду! - кричал тонкий пронзительный голосок. - Вон! вон!!

Над головой беготня. Крики.

Что такое? На меня глядит испуганное лицо угрюмого соседа. В открытый иллюминатор слышу:

- Да где? где?

- Вон, вон... Волной захлестнуло...

- Да нет! во-он!

- Потонул... Это ужасно.

- Нельзя же так... Ведь на глазах... Он плывет, плывет...

- Если попросить капитана?.. Смотрите, он еще плывет!!!

- Ах! Жалко как!

- Не останавливать же парохода... Станный же вы человек!

Сбрасываюсь с койки и бегу. Навстречу попадается рыжий матрос.

- Господин, ваша собачка за бортом...

Марс в море - как по голове ударило. Я бегу, ничего не соображая. Вся палуба запружена народом. Тут и пассажиры третьего класса. Вытянуты головы. Стоит гул голосов.

Расталкиваю всех без стеснения, хочу видеть последние минуты моего умного и верного Марса.

- Все плывет, сердешный...

- Тоже живая душа, жить-то хочется... Нет, опять захлестнуло...

Я вижу простые лица. Я слышу жалеющие голоса. Марс едва-едва виден. Но я должен же хоть что-нибудь предпринять! Я замечаю фигуру капитана. Он смотрит в кулак на море. И дама с лорнетом что-то горячо говорит ему. Кто-то взвизгивает около, начинает плакать в голос.

- Нина, Лида, нельзя. Это неприлично. Да что же я медлю?

Я знаю, что нужно сделать. Я подбегаю к капитану.

- Господин капитан! Прошу вас... Прикажите задний ход... если можно... Он доплывет... Прошу вас... - Глаза капитана выпучены.

- Я заплачу расходы, если...

- Я также прошу, капитан. Я думаю, никто не может быть недоволен. Все от вас зависит...

Что такое? Около нас толпа. Глаза смотрят на капитана.

- Просим остановить пароход!

- Просим!

- Просим!!

- Жестоко не подать помощь... Они все, все они просят за моего Марса, который теперь выбивается из сил. Матросы сгруппировались красивой синеющей группой. Они возле трапа и смотрят на нас, точно ждут.

- А жалко собачку-то! - выпаливает деловой человек. - Надо бы ее...

- Я прошу вас, капитан! - говорю я решительно. - Никто не возражает...

Капитан не отвечает. Он подымается, спокойный, на мостик и что-то передает в слуховую трубу.

- Задний ход велел дать, - угадывает старичок. - Я говорил, что велит!

А Марс... Он все еще плывет, то показывается, то прячется за гребешками волн. Его рыжая голова сверкает на солнце, маленькая, едва заметная, бугровая голова.

Мальчуган с тросточкой, дергающийся и бледный, глядит, вытянув шею. И вижу я, как по носу его бежит сверкающая капелька и падает в море. Кто-то тяжело сопит над моим плечом и повторяет:

- Потопнет, потопнет...

- Кончился. Не видать. Захлестнуло...

- Да нет... Вон, опять вывернулся.

Что-то трется под ногами. Черный курносый нос что-то высматривает и вынюхивает в море. Я считаю секунды.

Пароход уже прет задним ходом, и мелкой дрожью дрожат борты. И голова Марса кажется заметней.

- Спустить шлюпку-у!!

Вот он, голосок, привыкший говорить с бурями и перекрикивать штормы! Капитан стоит, как монумент. И в его руке сверкают золотые часы. Я готов броситься и расцеловать этого морского волка в белоснежном кителе и с загорелым, как темная бронза, лицом.

- Bravo! Bravo, капитан!

Капитану устраивают овацию. Барышни в светлых платьях машут платками. Мальчонка прыгает. Торжество и светлые улыбки на лицах.

Матросы... Что за бравый народ! Они точно с цепи сорвались. А этот рыжий гигант! Он работает, как электрическая машина. Со шлюпки сорван брезент, и рыжий гигант, и еще трое - в лодке. Их ловко спускают с палубы, и визжат давно не ходившие блоки. И уже поплескивают весла на солнце.

Раз-два... Раз-два...

Синие спины, откидываются дружно и выгибаются, как хорошо натянутые пружины.

- Вот молодцы! Bravo! Bravo!

Сотни глаз прикованы к двум точкам на море: к голове Марса и к шлюпке. Я жду. Я хочу закрыть глаза и не могу.

Рядом со мной старичок. Его руки жестикулируют. Он точно повторяет ритмические взмахи весел. На секунду я оглядываюсь, чтобы не видеть последнего момента.

Стараюсь по лицам и по восклицаниям судить о том, что делается на море. Какие лица! Я не узнаю их. Они все охвачены жизнью, одним желанием, одной мыслью. И нет в них ни вялости, ни скуки, ни равнодушия. Хорошие человеческие лица. А глаза! Они все смотрят, волнуется и ждут.

- Bravo! Bravo!

Я не могу больше ждать и гляжу на море. Шлюпка почти совсем подошла. Марс еще держится, до него не больше десятка шагов. Еще один взмах весел. И вдруг все ахнули: голову Марса накрыло большой волной. Нырнула и снова вынырнула шлюпка, и высокая фигура рыжего матроса поднялась в ней. Он всматривается в волны, что-то показывает рукой. Еще взмах.

- Пропал! Еще бы чуточку одну захватить...

- Смотрите! смотрите!

Гигант перевешивается за борт так, что шлюпка совсем накрывается. Он ищет руками в море. Он шарит в волнах.

Так кажется с парохода. И вдруг... вырастает красивая фигура, и в крепкой руке вытягивается из моря что-то сверкающее. С секунду он держит это что-то над морем, даже потрясает, оборачивается лицом к пароходу и показывает. И все мы видим, как падают сверкающие струи.

- Bravo! У рра!! - дружно прокатывается по палубе.

- Молодцы! - кричит над самым ухом деловой человек. - Знатно!

Марс, шаловливый, надоедливый, всем досадивший Марс - спасен.

И все, решительно все, довольны, веселы. Счастливы даже.

Или это мне кажется так, потому что я сам готов прыгать и целовать и капитана, и старичка, и фрейлейн, и ее мопсика, и особенно этих красных легкокрылых бабочек, которые теперь прыгают на носочках и хлопают в маленькие ладошки. Нет, все счастливы. И какие у всех хорошие, добрые человеческие лица! И даже торговый человек забыл о своем чухонском масле. Он с упоением смотрит на возвращающуюся шлюпку и одобрительно потряхивает головой. А капитан! Как белый монумент, стоит он на мостике и смотрит на палубу, и как будто посмеиваются его добрые глаза всей этой глупой истории. Не думает ли этот бывалый морской волк, на глазах которого, быть может, погиб не один человек в балтийские бури, - какие все это взрослые и хорошие дети? А сам он? Не он ли раскатистым голосом так захватывающе кричал недавно:

- Спу-стить шлюп-ку-у!

И не он ли приказал высвистать сигнал:

«Капитан благодарит».

Нет, нет. И сам он тоже «того».

Я подхожу к нему и благодарю.

- Ну, что за пустяки... гм... Очень рад, что... того... - хрипит он, прикладывает руку к козырьку, и его умные глаза улыбаются. И кажется, будто он хочет сказать:

- Надо же когда-нибудь и пошутить... того... У мостика собралась молодежь и устроила капитану настоящую овацию, и капитан улыбался и брал под козырек, и всем, видимо, было очень весело. Даже паренек с продранной чулкой прекратил атаку на мопса. А господин с огромным морским биноклем, пледом и в клетчатых панталонах, по всем признакам англичанин, когда я проходил мимо него к борту, сказал в пространство:

- Travelling is very pleasant.[1] И добавил, показывая тростью в море, на подвигавшуюся шлюпку:

- A reward must be given him.[2]

Весь пароход сбился к бортам. Уже приветствовали утопавшего и спасителей. Всем хотелось видеть важный момент - возвращение на сушу. Любители уже наводили глаза аппаратов,

готовясь увековечить великое событие.

Англичанин эффектно смотрел в свой телескоп.

Завизжали блоки, зацепили канаты на крюки и потянули шлюпку. Первым показался рыжий гигант. В его руке, как большая палена и мокрая тряпка, висел за ворот несчастный Марс. Именно – несчастный. Что-то тощее, липкое и повислое. Трудно было поверить, что это именно тот самый вертлявый непоседа, пушистый ирландец.

Матросов окружили. Гигант, видимо, конфузился своему выступлению перед толпой в роли героя. Я потряс его стальную руку и положил в нее награду на всех.

- Ну, за что-с... Собачку-то тоже... Он, видимо, не любил разговаривать, как и его капитан.

- А ну-ка, любезный...

Деловой человек вытащил замасленный кошелек, порылся в мелочи и дал что-то. Дал и старичок. Англичанин протянул бумажку и сказал, поджав губы:

- Thank you.[3] На водка.

Матросы только успевали совать в карман, поглядывая искоса на капитанский мостик. Торопились выбраться из толпы. И вдруг с мостика был дан знак пальцем. Матросы вытянулись и ветром взбежали на вышку. Что такое? Взяли под козырьки. Стоят. Капитан говорит отчетливо, так что всем слышно на палубе.

- Шлюпка спущена того... в минуту и сорок семь секунд!

С премией в 9 секунд, чем в последнюю тревогу! Молодцы!

Получите... того... по рублю...

Целый триумф! Матросы побили рекорд, как говорится.

Знатоки уверяли, что две минуты для спуска шлюпки – наивысшая быстрота.

Но Марс... Он лежит без движения, окруженный толпой, и от него по уклону палубы текут струйки.

- Господа! Вы из третьего класса. Пожалуйста, пожалуйста... Теперь нужно было водворить забытый порядок, и третий помощник капитана очищал палубу.

- Плох он. Должно быть, воды нахлебался.

Я стоял над беднягой. Он дышал едва заметно, и глаза его были закрыты. Должно быть, он был в обмороке.

- Вы его потрите.

- Коньяку бы ему хорошо дать, – советовал деловой человек.

Я перенес Марса к сторонке и при помощи какой-то барышни стал растирать его. Кто-то, кажется, фрейлейн, принес нашатырный спирт. Марс чихнул, что вызвало страшный хохот. И представьте себе! Даже мопсик держал себя по-джентльменски. Он понюхал недвижную лапу

Марса, обошел кругом, вдумчиво поглядывая на недавнего врага, и сел, почесывая за ухом. Марса накрыли теплым платком – его начинала бить дрожь.

Звонок призывал к вечернему чаю. Потянулись в кают-компанию. Детишек силой оттаскивали от «умирающего». Мальчуган с тросточкой два раза прибежал снизу справиться о положении дел. Смотрю, подвигается фрейлейн и несет что-то.

- Вот, дайте ему... Это коньяк.

Рассыпался в благодарностях, разжал Марсу стиснутый рот и влил. Подействовало замечательно хорошо. Марс открыл сперва один глаз, потом другой и даже облизнулся. Узнал меня и чуть-чуть постучал мокрым хвостом.

- Что, шельмец? И как тебя угораздило? Но глаза снова закрыты, и Марс только сильно носит боками. Только успел сходить за молоком в буфет, а возле 'Марса – красные бабочки, мальчуганы и барышни. Наташили печенья и разложили возле черного носа к великому соблазну дежурящего мопса. На палубе, конечно, разговор вертится около злободневного события. Передают довольно спутанную историю падения в море. Я, конечно, интересуюсь и по отрывкам могу составить такую картину.

Вскоре после появления на палубе раненого мопса на крики и возню детишек появился Марс. Очевидно, он не мог выдержать. Началась грызня. Марс повел дело решительно, чтобы одним ударом покончить с врагом. Он долго гонял по палубе струсившего мопса и, наконец, загнал на корму, где у корабельной решетки довольно широкий пролет. Здесь мопс запутался в канатной петле, и Марс совсем было накрыл его, но кто-то (осталось неизвестным, но я сильно подозреваю старичка) замахнулся на него палкой. Марс пригнулся, стремительно отскочил назад и сорвался через пролет в море.

Уже садилось солнце, и горизонт пылал тихим огнем. Мы сидели на корме и мирно беседовали. Смеялись над передрагой, и все в одно слово признавали, что день прошел великолепно. Даже не понимавший ни слова по-русски англичанин принимал посильное участие в беседе, что-то ворчал и кивал головой. Должно быть, говорил о «приятном путешествии».

Я проникался этим всеобщим мирным настроением и думал, что этому настроению много помогли те, короткие, только что пережитые минуты, когда все были захвачены одним стремлением и одним желанием – спасти погибавшую на глазах жизнь, в сущности, никому из них не нужного и раньше неведомого пса. Когда все вдруг почувствовали одно, всем общее, что таилось у каждого, далеко запрятанное, но такое теплое и хорошее, и на самое короткое время стали детьми... чистыми детьми. Когда были забыты и шляпа-панама, и бархатные картузы, и смазные сапоги, и рубахи, и накрахмаленные воротнички.

Когда мужичек в поддевке тянулся через плечо господина, облеченного в изящную английской фланели пару, и оба они смотрели на борющуюся за свою жалкую жизнь собаку и жалели, и хотели одного.

Мы так мирно беседовали, и Марс приходил в себя. Нет, он уже пришел в себя. Он тихо, еще на слабых ногах добрался до кормы и незаметно подошел ко мне сзади и ткнулся носом.

- Вот он!

- Ма-арс!

- Милый Марс!

- Поди сюда, умная собачка, ну, поди...

И Марс тихо подходил ко всем и доверчиво клал всем на колени свою умную, еще не совсем просохшую голову и ласково заглядывал в глаза.

И даже англичанин в клетчатых панталонах потрепал его по спине с серьезным видом и процедил сквозь зубы:

- How are things?[4]

Да что англичанин! Сам господин капитан, подошедший пожелать доброго вечера, энергичным жестом встряхнул Марса и пробасил:

- У-у, пе-ос!..

И уже не вспоминал о Ганге.

Утром мы были в Або. Кое-кого из пассажиров уже не было; очевидно, высадились в Ганге. С Марсом прощались многие, и он как-то быстро выучился давать лапу, чего раньше за ним не водилось. В заключение появились четверо молодых людей, окружили Марса и давай щелкать своими «кодаками».

Марс струсил и присел. В такой чудной позе его и сняли.

Я почти уверен, что в происшествии с Марсом написали в газетах. Может быть, даже появились или появятся в окнах магазинов открытки с его физиономией. Но вряд ли кто рассказал, что самое интересное произошло на пароходе.

Все смотрели на Марса и не наблюдали за собой.

Ну, за них это сделал я.